

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 — 1975

Н. Н. ЖАЛДАК

ИНТЕРЕС СУБЪЕКТА КАК ЕДИНСТВО ЕГО СУЩНОСТНЫХ СИЛ И ПОТРЕБНОСТЕЙ

Названная проблема важна не только для исторического материализма. В частности, разработка категории «интерес» в политэкономии социализма необходима для научно обоснованного осуществления принципа материальной заинтересованности в хозяйственной жизни нашей страны. Материалы дискуссии, опубликованные в журнале «Экономические науки» в 1970—1972 гг., и публикации последних лет, посвященные экономическим интересам, показывают актуальность выяснения и развития философского содержания категории «интерес», которое вкладывалось в нее классиками марксизма.

Обсуждаемое многими исследователями отношение интересов и потребностей, наряду с некоторыми другими отношениями, нашло наиболее четкое отражение в следующем положении К. Маркса: «...поскольку меня определяют и насилуют мои собственные потребности, насилие надо мной совершает не нечто чуждое, а лишь моя собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений (иначе говоря, мой *интерес*, выступающий во всеобщей рефлексированной форме)»¹. Но цитируют они его иногда еще более сжато, а мысль, подкрепляемая цитатой, сводится либо к тому, что существует тесная связь потребностей и интересов², либо к тому, что категории «потребность» и «интерес» тождественны³.

Начав с этого положения К. Маркса, мы рассмотрим связанные с ним проблемы и покажем интерес как единство сущностных сил и потребностей субъекта. Отметим, что мы цитируем из исследований К. Маркса, касающихся общества, основанного на товарном обмене. Но товарный обмен есть одна из форм обмена деятельностью, т. е. общественного взаимодействия вообще. Всеобщий же характер обмена деятельностью, его универсальность делают всеобщими, касающимися всех форм общества многие положения К. Маркса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 192.

² См. А. Еремин. Экономический интерес как проблема политэкономии социализма. «Экономические науки», 1970, № 5, стр. 22; В. М. Барабаш. Природа экономических интересов. В кн.: «Интересы, стимулы, эффективность». М., 1974, стр. 29.

³ См. Ф. Герштейн. Интересы, заинтересованность, стимулирование. «Экономические науки», 1970, № 11, стр. 93.

В процитированном положении К. Маркса отождествляются три выражения: «моя собственная природа» = «совокупность потребностей и влечений» = «мой *интерес*, выступающий во всеобщей рефлексированной форме». Первое выражение является предельно общим выражением всего того, что может быть свойственно всякому конкретному человеку. Второе выражение («совокупность потребностей и влечений») не может быть поэтому более общим и в то же время не может быть менее общим, так как выполняет роль предиката первого выражения. Значит, первое и второе выражения симметрично-тождественны. Третье тождественно второму (а следовательно, и первому), ибо вводится как пояснительное и синонимичное по отношению ко второму.

Чтобы исследовать последнее из трех выражений, начнем с рассмотрения указания на всеобщность формы, в которой выступает «мой интерес». Это указание ставит такие рамки для его конкретизации, которые вмещают некоторые диалектические противоположности.

Интерес во всеобщей форме, или интерес вообще, — «это такое определение, которое присуще каждому»⁴ интересу как таковому, интересу каждого общественного субъекта. Данная общность определенности интересов обусловлена тем, что в обществе «каждый индивид в качестве *человека* выходит за пределы своей собственной особой потребности и т. д. и что они относятся друг к другу как люди; что общая им родовая сущность осознана всеми»⁵. Это означает, с одной стороны, что общая родовая сущность которая является действительным сущностным всеобщим, связывающим всех людей, существует не только в действительности. Она отражается в индивидуальном и общественном сознании и существует также как всеобщее в представлении. С точки зрения принадлежности к общей родовой сущности необходимым всеобщим свойством каждого человека является сознание. С другой стороны, сознание наряду с прочими есть действительное, а не воображаемое свойство каждого человека, а общая всем людям родовая сущность есть действительная общественная взаимосвязь, т. е. «совокупность всех общественных отношений»⁶. Эта взаимосвязь позволяет каждому человеку и вынуждает его выходить за пределы собственных особых потребностей, интересов и т. д. Она представляет собой действительное сущностное всеобщее, охватывающее всех людей, их сущностную общность (всеобщность).

Таким образом, устанавливается диалектическое единство всеобщего, данного в представлении (в сознании), и действительного всеобщего. Объективные материальные отношения между людьми (общественные отношения) по поводу удовлетворения их материальных потребностей предполагают некоторое осознание каждым из них по край-

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 437. К. Маркс употребляет выражения «...во всеобщей форме» и «...вообще» как синонимичные.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 189.

Ясно, что развитый капитализм дифференцирует общество неизмеримо сильнее, чем простое товарное производство, тем самым сильно сужая содержательные границы общности родовой сущности как основания действительного существования индивидов (субъектов). При этом равенство и свобода претерпевают сильные ограничения и как логический исход становятся преимущественно иллюзорными. Иллюзорным же становится и осознание общей родовой сущности, поскольку последнее происходит под влиянием того, что буржуазия как класс придает «своим обычным интересам всеобщую форму» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 62). Но отношения обмена, в связи с исследованием которых К. Маркс высказал процитированное суждение, как и общность родовой сущности, сохраняются и в развитом капитализме. Тем самым это суждение носит всеобщий характер в тех пределах, в каких человек выступает как человек, а не как наделенное сознанием орудие труда и т. п.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

ней мере непосредственных отношений к другим, осознаваемым в качестве людей. Однако не осознание человеческой всеобщности, хотя оно и есть необходимый момент общественных отношений, а разделение труда и действительная взаимозависимость в процессе производства являются, в конечном счете, определяющей стороной в этой противоположности. Указание на то, что интерес индивида выступает во всеобщей форме, есть в первую очередь указание на реальную причастность индивида к взаимной зависимости индивидов. Но в качестве этой взаимной зависимости существует общий интерес, притом в действительности, а не только в представлении⁷, а значит, это — указание на причастность индивидуального интереса к общему.

Взаимная зависимость индивидов проявляется в виде обмена деятельностью. А «взаимное действие индивидов друг на друга по своему содержанию есть лишь заинтересованность каждого индивида в удовлетворении своих потребностей»⁸. Такое содержательное тождество деятельности и заинтересованности (=интереса), которое подтверждается фактическим осуществлением интереса в непосредственном практическом трудовом действии, позволяет распространить на интерес кое-что, касающееся труда. Труд индивида подтверждается «как всеобщий труд тем, что его труд представляет собой определенную особенность в общей совокупности общественного труда»⁹, восполняющую эту совокупность. «Форма всеобщности» интереса индивида (как и его труда) подтверждается тем, что он есть элемент общественного интереса и проявляется в деятельности, которая носит общественный (всеобщий) характер. Такая всеобщность индивидуального интереса имеет место не вопреки, а именно благодаря его индивидуальной особенности. Во всеобщей форме выступает индивидуальный («мой») интерес, рассматриваемый не со стороны безразличия к природной индивидуальности человека, а «с другой стороны»¹⁰.

При непосредственном рассмотрении во всеобщей форме выступает только всеобщий интерес, который есть «всеобщность эгоистических интересов»¹¹, а эти индивидуальные интересы представляются, как обладающие только формальной общностью отдельных определений. Но если об интересе индивида судить не по его непосредственным проявлениям, а проникать в сущность этого интереса, то он сам выступает как всеобщий интерес в его индивидуальном проявлении. Таким образом, действительная всеобщность формы, в которой выступает индивидуальный интерес, оказывается диалектическим единством формальной всеобщности и сущностной всеобщности. Это означает, что все индивидуальные интересы имеют некоторые общие, одинаковые определения (признаки) их непосредственной формы и общую, объединяющую эту сущность. Оформленность этой сущности тоже есть форма каждого индивидуального интереса, но лишь опосредованно. Эта оформленность сущности индивидуального интереса становится его непосредственной формой и проявляется в действии, но лишь постепенно, во времени, а потому, в связи с ограниченностью жизни индивида, не вполне, частично. Поэтому по кратковременной деятельности нельзя судить, как сформирован и как формируется интерес субъекта.

Сознание, его процесс и результаты и в качестве свойства каждого субъекта, и в качестве совокупности духовных отношений есть только-

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 31.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 184.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 448.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 192.

¹¹ Там же, стр. 191.

момент, сторона соответственно формального и сущностного действительного всеобщего. Поэтому неверно истолковывать указание на всеобщность формы, в которой выступает индивидуальный интерес, как только указание на то, что это осознанный интерес, или интерес, существующий лишь как осознание потребности либо вообще в виде сугубо мысленной реальности. Этот вывод относится и к указанию на рефлектированность формы, в которой выступает индивидуальный интерес.

Надо видеть как сходство, так и различие значения термина «рефлектирование» («рефлексия») у Гегеля и у К. Маркса в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» и в «Капитале»¹². Существенное различие здесь несомненно, но есть и сходство, обусловленное тем, что позитивное, наличное в гегелевской философии и тем более в логике наследуется марксизмом. Поэтому, не пытаясь походя разобраться в гегелевском понимании рефлектированности, трудность чего отмечена В. И. Лениным¹³, мы позволим себе взять наиболее общие и вместе с тем наиболее ясные суждения Гегеля о рефлектированности из тех работ, где Гегель сам пытался сделать их таковыми.

В «Философской пропедевтике» Гегель утверждает: «...рефлектирование вообще есть восхождение ко многим определениям предмета осуществляющееся благодаря этому сведение их в некотором единстве»¹⁴. И далее: «Рефлектирование есть выход за пределы единичного определения, его сравнение с другими и соединение их в одно определенное определение. Всеобщее здесь составляет внутреннюю природу и сущность предмета»¹⁵. Это надо понять материалистически.

Материалистическая переработка гегелевской философии К. Марксом пошла по линии отстаивания существования предметов (вещей) вне и независимо от сознания, в объективной действительности, по линии признания того, что эти вещи обладают объективно присущими им свойствами, которые мы познаем в процессе практического освоения материальной действительности и фиксируем в нашей теории в виде понятийных определений данных вещей (предметов). К. Маркс отмечал, что «вещь есть совокупность многих свойств»¹⁶. Марксизм ставит вопрос о возникновении свойств объективно существующих вещей и решает его путем признания того, что материальные вещи, находясь в объективных отношениях во взаимодействии, обладают свойством подвергаться воздействию других вещей и тем самым приобретать новые свойства, претерпевать изменения, связанные не только с внутренним самодвижением составляющей их материи, но и с внешним воздействием на вещь. И в таком случае налицо восхождение вещей ко многим свойствам, т. е. к усложнению их взаимных отношений, в которых только и проявляются свойства, отражаемые в понятийных определениях. Точнее сказать, свойства и есть собственные отношения вещи к другим вещам, отражаемые в понятийных определениях. Таким образом, здесь конкретно выявилась возможность материалистического понимания, материалистической интерпретации гегелевских представлений об объективной и субъективной рефлексии.

К. Маркс говорит о всеобщей рефлектированной форме, но, тем не менее, не о такой, которая есть форма мысленной абстракции, так как интерес, выступающий в этой форме, отождествляется с объективно существующей природой человека. И такой реально существующей

¹² См. сноску 35.

¹³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 121.

¹⁴ Гегель. Работы разных лет, т. 2. М., 1973, стр. 130.

¹⁵ Там же, стр. 194.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 43.

Формой при непосредственном рассмотрении является форма всеобщего интереса, т. е. всеобщий интерес. Он представляет собой обмен индивидуальных интересов, из которого данный индивидуальный интерес рефлектирован в себя как интерес данного индивида с некоторой конкретной совокупностью потребностей и влечений. Обмен интересов осуществляется посредством деятельности, а точнее, он сам осуществляется как обмен деятельностью в овеществленной и неовеществленной формах. Это значит, что во всеобщем интересе, который представляет собой совокупность отношений между индивидуальными интересами, индивидуальный интерес выступает в качестве его единичного проявления. Совокупность отношений индивидуальных, особенных (групповых, классовых и т. п.) интересов и всеобщего интереса как целого является действительной сущностью интереса каждого субъекта, так же как совокупность общественных отношений является сущностью человека. Сущность является, а явление существенно: единичный интерес в своем деятельном осуществлении доказывает свою существенность для деятельного осуществления, а значит, и для соотношения интересов других субъектов.

Различие индивидуальных интересов связано с тем, что совокупность общественных отношений по-разному выступает для разных индивидов. Общественные отношения, совокупность которых есть сущность всех социальных субъектов, проявляются как их интерес¹⁷ в их собственной деятельности. Как бытие интереса общественные отношения должны рассматриваться не в тот момент, когда они уже осуществились, а в тот момент, когда они еще осуществляются или подходят к осуществлению в качестве причины собственного деятельного проявления субъекта. Такие причинно-следственные цепи различны для субъектов в зависимости от их положения в системе общественных отношений. Интерес человека, как и его сущность, «не есть абстракт, присущий отдельному индивиду». Но «в своей действительности он есть совокупность» не всех общественных отношений, а лишь тех и постольку, которые и поскольку проявляются как совокупная причина (основание) деятельности этого индивида (субъекта). Поэтому интерес каждого субъекта обладает индивидуальным отличием. Та часть сущности, которая не выступает как основание деятельности субъекта, относится к сфере лишь возможного интереса. Вопрос о возможном интересе есть вопрос о том, что субъект делал бы, если бы какое-то прошлое или настоящее действие касалось его. Эту еще не действительную возможность и подразумевают, когда говорят о действии против интереса.

Рефлектированность непосредственной всеобщей формы означает полное развертывание ее собственной определенности, а значит, определенности обмена единичных и особых интересов и самих этих интересов, поскольку эта всеобщая форма сама есть их обмен. Мой интерес входит во всеобщий. Он выступает во всеобщей форме как ее сторона, в которую рефлектирована эта всеобщая форма, т. е. которой эта всеобщая форма дала определения, содержащие как формально общее (ряд одинаковых признаков), так и непосредственное индивидуальное. Но само это единичное проявление всеобщего интереса заключено в сущностном всеобщем как его момент, так что формальная всеобщ-

---

¹⁷ Ф. Энгельс пишет: «Экономические отношения... общества проявляются... как *интересы*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 271).

ность признаков¹⁸ есть закономерное собственное порождение сущностного всеобщего и входит в его содержание. И наоборот, принадлежность к сущностному всеобщему есть формальный признак каждого единичного, входящего в сущностную всеобщность. Простая кооперация и разделение труда, диалектическое сочетание одинакового и различного есть общая черта человеческой деятельности, выявляющей сочетание одинаковости и различия интересов.

Выяснив, что мы имеем дело с действительной всеобщностью и объективной, совершаемой в действительности рефлексированностью, мы подошли к выяснению внутренних противоположностей в содержании всякого конкретного интереса. отождествление интереса с совокупностью потребностей и влечений есть отождествление единства противоположностей (интереса) с собственными внутренними противоположностями (потребностями и влечениями) как составляющими его единство. Чтобы доказать это, следует установить, считает ли К. Маркс потребности и влечения диалектическими противоположностями. А узнав, что означает термин «влечения» у К. Маркса, мы найдем другой термин, синонимичный, но вполне употребимый в настоящее время. Он писал: «Человек... в качестве природного существа... с одной стороны, наделен природными силами... являясь деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений; а с другой стороны, в качестве природного... предметного существа он... является страдающим... т. е. предметы его влечений существуют вне его, как не зависящие от него предметы... его потребностей... существенные для проявления и утверждения его сущностных сил предметы»¹⁹. Человек же (как природное существо) есть «человеческая природа»²⁰, или природа человека.

Таким образом, о природе человека (а значит и об интересе) можно сказать, что она выступает в двойственной определенности: с одной стороны,—деятельной, содержащей в себе природные силы, а с другой—страдающей, обнаруживающей в себе недостаток этих сущностных сил (потребность). Этот недостаток должен быть преодолен за счет обращения этих ее природных сил (влечений) на внешние (нечеловеческие) предметы для «проявления и утверждения» своих природных сил. (Это как раз относится к осуществлению интереса.) Проявление же и утверждение, «излучение из себя» «вбираемых в себя» природных сил предполагает обнаружение человеком «вне себя своей природы»²¹. К. Маркс указывает на диалектику внешнего и внутреннего. Природа является и противоположной человеку и в то же время существует как его собственное «неорганическое тело» и «человеческое тело»²², как средоточие его возможных и действительных природных сил, то есть предметных сущностных сил²³. Таким образом, в рамках соотношения всякого природного движения с целесообразной деятельностью человека различаются природные силы, существующие «в виде»

¹⁸ Формальный характер этой всеобщности не в том, что она не действительная, а в том, что она выражает действительную всеобщность со стороны формальных (абстрагированных) признаков. Признак же принадлежности всякого индивидуального к сущностному всеобщему и то, что это последнее познается через формально общие признаки, выражает переход формальной всеобщности в сущностную всеобщность как свою диалектическую противоположность.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 162—163.

²⁰ Там же, стр. 161.

²¹ Там же, стр. 163.

²² Эти термины см. там же, стр. 92.

²³ Переход от термина «природные силы» к термину «предметные сущностные силы» см. там же, стр. 162.

внешних сил, которые лишь могут стать способностями (влечениями) человека, и природные силы, уже существующие в виде его действительных сил. Для обозначения последней разновидности К. Маркс в процитированном отрывке, называя три термина, выделяет «влечения». Диалектическое единство влечений и потребностей устанавливается уже тем, что они имеют одни и те же предметы, которые также есть предметы интереса и объекты соответствующего действия. Субъектом же этого действия является «субъективность предметных сущностных сил», находящихся «свое предметное осуществление только в предметах природы»²⁴.

Понятие силы произошло из действия человеческого организма, а значит, из предметно-чувственной целесообразной деятельности, требовавшей от человека расчета его сил до совершения действия. Человек (субъект) обладает «средствами переносить движение»²⁵ в виде органов собственного тела, а также в виде всякого предмета природы, становящегося «органом его деятельности... который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом... естественные размеры последнего»²⁶. Это движение, поскольку оно переходит с указанных органов на целесообразно преобразуемые предметы природы, поскольку оно активно и рассматривается как причина изменения (= движения) данных предметов, есть сила²⁷. Но в отличие от причины, действительность которой уже подтверждена практическим действием и которая отличается от прочих условий своего действия, наличная сила в каждом конкретном случае охватывает совокупность всех условий своего проявления и должна подтвердиться практическим действием. Наличная сила и интерес познаются через познание причинно-следственных связей, но всегда не до конца.

Понятие силы в марксистском общественном знании охватывает не только экономические производительные силы, в том числе и рабочую силу, но и всякую способность осуществлять целесообразные изменения в материальной действительности для удовлетворения любых потребностей субъекта. Как социальная форма движения материи, так и перенос движения²⁸, связанный с проявлением силы, включает, охватывает все формы движения материи. В действии субъекта проявляется его сущность как интерес, как сила. Сила содержится в сущности. Указывая на это, термин «сущностные силы» позволяет также отличить вышеуказанное понятие силы от заимствованного механикой и т. д.

Решения рассмотренных общих вопросов получили конкретное применение в «Капитале». Так, К. Маркс пишет: «Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры, которые накладывает на индивидуумов общественный процесс производства: продукт этих определенных общественных производственных отношений»²⁹. Не составляет труда провести обобщающую аналогию между агентом и субъектом, или человеком, между наложением характеров и рефлектированием, между субъектом как субъективностью

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 162 и 125.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 598.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 190.

²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 59, 563, 595, 596.

²⁸ О переносе при смене форм движения как о потере движения одним телом и получении его другим см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 385.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 452.

предметных сущностных сил и капиталистом как персонификацией капитала. Это возвращает нас в область решения философских, общих вопросов, не решив предварительно которых, нельзя браться за частные³⁰.

Интерес содержит определенность человека, группы и т. п. со стороны их внутренней потенции, со стороны их сущности, содержит их существенную определенность, в силу которой они являются социальными субъектами. Впрочем, субъект, лишенный деятельной потенции, не есть субъект. В непосредственной внешней определенности людей, групп и т. п. выражается определенность их интересов как индивидуализированная определенность их сущности. Поэтому естественно, что именно интересы следует видеть за вывесками непосредственных наименований тех или иных субъектов, вскрывая тем самым истоки и содержание самой их субъективности (способности к деятельному проявлению). Собственная определенность субъекта для другого субъекта, как и определенность его деятельности, может и должна соответствовать определенности его интереса, что мы и проиллюстрируем на материале экономических работ К. Маркса, в первую очередь «Капитала». Исток же и содержание политэкономических работ К. Маркса связаны с тем, что ему пришлось «высказываться о так называемых материальных интересах»³¹, осуществлять «подсчет интересов»³².

Относительно человеческой деятельности мы обнаруживаем, что осуществлению интереса как единства сущностных сил и потребностей соответствует диалектическое единство внутренних противоположностей процесса «воспроизводства, то есть процесса производства и процесса потребления»³³, понятого расширительно как диалектическое единство внутренних противоположностей всякой человеческой деятельности, т. е. процесса опредмечивания и процесса распределения.

Процессом же воспроизводства, по К. Марксу, является «процесс производства как содержащий в самом себе условия своего возобновления»³⁴, а значит как имеющий в качестве собственных моментов процесс потребления и процессы распределения и обмена. Существенное различие производства и распределения как диалектически тождественных противоположностей можно вкратце охарактеризовать как состоящее в том, что само производство, совершаемое данным общественным субъектом, выступает и определяется по отношению к любому другому субъекту как совершаемое посредством этого первого общественное распределение условий производства, деятельности или продукта. Таким образом, при рассмотрении единичного субъекта и его интереса распределение вообще не выступает как самостоятельный момент его самовоспроизводства, а всецело относится к определенности его положения, являющегося внешней диалектической противоположностью интереса. Обмен же относится как к положению, так и к интересу. Если производство, с одной стороны, опосредует «материальный и духовный обмен веществ» между человеком и его средой, представляющей собственно социальное и снятое в нем природное положение, то, с другой стороны, сам этот обмен веществ опосредует производство очеловеченной природы, самого человека, представляя собой обмен действиями между ними, т. е. их взаимодействие.

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 368.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 5—6.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 254.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 22.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 256.

В связи с этим целесообразно рассмотреть проявление внутренней раздвоенности интереса в определенности лиц, участвующих в обмене. Это мы можем сделать на материале, касающемся обмена продуктами потребления. (Эти сферы собственно обмена и собственно производства не исчерпывают обмена и производства вообще.) В «Капитале» К. Маркс пишет: «Эти два противоположные превращения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических ролях этого последнего. Как агент продажи, он — продавец, как агент купли — покупатель»³⁵. Рефлектирование же двух противоположных превращений товара, совершаемых в двух противоположных актах товаровладельца, в виде определений его как покупателя и продавца — это и есть рефлектирование субъекта в себя из актов обмена, о котором Маркс писал в «Экономических рукописях 1857—1859 годов». Это рефлектирование в себя определений покупателя и продавца означает не только то, что другие субъекты действуют по отношению к данному как к равному и свободному³⁶, как к покупателю и продавцу, но и нечто большее, ибо «покупатель» и «продавец» — определения, которые, в свою очередь, представляют собой совокупности определений, конкретизирующих субъекта.

В роли покупателя субъект является покупателем определенных товаров, которые для него лишь постольку товары, поскольку они для него потребительные стоимости, средства для удовлетворения его конкретных потребностей. «Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле»³⁷. Поскольку же товары для него суть потребительные стоимости, а следовательно, предметы его определенных потребностей, то это значит, что со стороны определенности субъекта как покупателя его человеческая природа, его интерес представляют собой совокупность потребностей, притом весьма конкретных и субординированных.

Товаровладелец как продавец товара имеет его не в качестве потребительной стоимости для себя, а в качестве потребительной стоимости для других. Но потребности другого субъекта и есть именно та сторона, посредством которой данный субъект может втянуть его в обмен, чтобы удовлетворить свои собственные потребности. Он может сделать это потому, что обладает предметами для удовлетворения потребностей этого другого. Обладание товаром как меновой стоимостью, деньгами означает причастность субъекта к всеобщей власти пропорционально лишь количеству товара или денег. Обладание же товаром в качестве потребительной стоимости для другого означает вместе с тем обладание качественно определенной общественной потенцией, властью, общественными сущностными силами, некоторыми реализуемыми влечениями. Передаваемые в процессе обмена другому, эти предметные сущностные силы (предметы потребления) служат восстановлению сущностных сил этого другого. В качестве предметов личного или производительного потребления для другого субъекта продаваемые ему товары служат источником воспроизводства его рабочей, производительной или другой сущностной силы.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 121. Словом «отражаются» переведен термин «reflectieren» (см. Гегель. Наука логики, т. 2. М., 1971, стр. 234).

³⁶ См. там же: «...обмен полагает всестороннее равенство субъектов... субстанция... которая побуждает к обмену, полагает свободу» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 191).

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 43.

Теперь остается только указать на то, что именно интерес, внутренне раздваивающийся на совокупность потребностей и совокупность сущностных сил, со стороны его бытия в качестве совокупностей потребностей и сущностных сил, будучи интересом участника товарообмена, проявляется в том, что этот последний действует и определяется соответственно как покупатель и как продавец. При этом равно как товарный обмен, так и определенность людей в качестве его участников, покупателей и продавцов, в отличие от их определенности в качестве обладающих интересами, потребностями, сущностными силами, носит исторически преходящий характер. Это значит, что в категориях «интерес», «потребности», «сущностные силы субъекта» мы имеем действительно всеобщие понятия, категории марксистской философии как исторического материализма. Они приобретают свою содержательную определенность, а вместе с тем и статус научных категорий в соотношениях между собой и с другими, играют, как мы убедились на примерах, роль инструмента, логически упорядочивающего соотношения понятий в конкретных исследованиях. Категория «интерес» не выпячивается в «Капитале», но, говоря о производительных силах и потребностях, о производстве и потреблении и т. д., К. Маркс тем самым говорит о существенных сторонах самих материальных интересов, их проявлении в деятельности или экономических ролях субъектов.

Разумеется, что раскрытие диалектики потребностей и сущностных сил требует значительно большей работы. Но важно уже и выявление того, что в полном соответствии с сутью диалектики марксистски понятый интерес обнаруживает в своем содержании внутреннее противоречие. Поэтому об интересе можно говорить как об основании самодвижения всякого социального субъекта, как о диалектическом тождестве противоположностей, из которого должна объясняться деятельность этого субъекта.

Интерес относится к внутренней определенности субъекта как предметно существующего, активного общественного существа. Страдательность, которая свойственна субъекту как обладающему потребностями, снимается в рамках этой активности, выражает ставшее внутренним внешнее противоречие. Сами потребности субъекта характеризуют его как именно активного, самостоятельного, действующего, ибо они есть проявление сущностных сил со стороны их недостаточности для существования субъекта, а не абсолютное отсутствие сил.

Постоянно воспроизводящееся противоречие потребностей и сущностных сил разрешается определенным образом в единстве интереса в тот момент, когда он переходит в собственную деятельность субъекта. И здесь обнаруживается ограниченность его осуществимости собственной внешней диалектической противоположностью интереса, а именно его общественным положением. Но вопрос о диалектике соотношения общественного положения и интереса субъекта — предмет другой работы.

Попытка рассмотреть в данной статье категорию «интерес» в связи с другими категориями имеет своей задачей лишь обратить внимание на необходимость дальнейшего углубленного исследования значения и содержания категории «интерес» в историческом материализме соотносительно диалектике как его собственной логике.
